
КНИЖНЫЙ ОСТРОВ

Андрей Филиппов. Тетради. Путевые записки. Рисунки автора.
СПб.: Лимбус Пресс, 2019. — 288 с.: ил.

Андрей Филиппов — петербургский художник, вошедший в группу «Митьки» с момента ее основания. Группа сложилась в 1980-е годы. Ее кредо: доброта, любовь к ближнему, подчеркнутая жалостливость, предельная простота в речи и манере одеваться, ну, и привязанность к алкоголю. «Митьки» стали одной из главных составляющих ленинградского неофициального искусства второй половины XX века. В 1990-е группа получает признание, работы «Митьков» экспонируются на многочисленных выставках, попадают в музейные собрания. О «Митьках» пишут статьи, искусствоведческие эссе и даже диссертации. Путевые и дневниковые записки, вошедшие в книгу, создавались А. Филипповым на протяжении многих десятилетий (1984—2013). В них отражены и романтика юности, и самоирония кризисов, и пронизательный взгляд «художника жизни». Здесь и богемная столичная жизнь, и российская глубинка, и центровая и провинциальная Европа. В поисках впечатлений и яркой натуры митьковская молодежь в 1984—1985 годах совершала поездки в Новгородскую и Псковскую землю, на Вологодчину. Появятся «Новгородская тетрадь» и «Ферапонтовская тетрадь» А. Филиппова. А потом будут и «Командировочные блокноты»: Валаам (1999), Боровичи Новгородской области (2007), Тверь (2010). А были еще и поездки в Углич, первое знакомство с Москвой, Париж и Адриатика. Интересовало все: церкви, монастыри, фрески, иконы, музеи, деревушки, пейзажи. Из «Новгородской тетради»: «1.07.84. Приехали мы в Новгород после полудня. Нашли Кузю у памятника и пошли есть. Пошли отменно, потому что много. В кремле ничего интересного: София в лесах, крылечки подвесные, колокола, арки всякие... Вышли на смотровую площадку и тут увидели, что такое Новгород — это церкви, везде церкви. Да в таких местах, что лучше не придумаешь: за рекой, за Торгом. Там, видимо, была купеческая сторона. Слева за рекой тоже церкви, а справа прекрасная панорама: река, острова, холмы. Церквушки торчат, не поймешь даже, на каком берегу. И Юрьев монастырь тоже виден. Всю эту панораму портит ужасный памятник Всаднику. Наверное — Александр Невский. Такой противный, что слов нет. Зашли в музей, там замечательные иконы. Но я так устал, что несколько раз чуть не упал на них. Сходим завтра еще раз... Пошли через мост на другую сторону Волхова. За Торгом очень понравилась одна церковь без штукатурки, из красного кирпича. Но самое прекрасное нас ждало впереди — Спас Преображения на Ильине. Фрески меня просто потрясли. Троица, столпники на втором эта-

же — все великолепно. На первом этаже справа фон фресок фиолетовый, а фигуры светло-охристые с коричневой прорисовкой. И еще разные цвета, такие, будто и нет их совсем. На верхнем барабане замечательные фрески, но они далеко, а туда не пускают». Взгляд художника фиксировал общее впечатление, отмечал детали. Приятный городишко Остров. Тяжелое впечатление от Пушкинских Гор: слишком много туристов. Картина поругания в Михайловском: бессчетные таблички со стихами. Местная коллекция хорошей живописи во Пскове и множество отбеленных церквей с типичными звонницами и приплюснутыми фасадами. Замечательный провинциальный городок Лиепая с маленькими домиками, мощеными улицами и узкоколейным трамваем. Портальная роспись Дионисия в Ферапонтовом монастыре. В дневниках А. Филиппова запечатлены и бытовая сторона, и теперь уже позабытая атмосфера ушедших времен. Середина 80-х годов — это удивительная открытость людей друг другу, готовность помочь, безопасность бытия. Молодые люди путешествовали с очень малыми деньгами. Ночевали на скамейке, у случайных людей в деревнях, в монастырях, а однажды, в зимней Ялте, в агитпункте, располагавшемся в неотапливаемом флигельке пансионата. Не раз путешествовали автостопом. «Отправились на шоссе (Изборск), чтобы ехать в Ригу. Долго стояли у развилки на Печоры. Латыш Сашко на личной машине подбросил до эстонского местечка Миссо. Здесь на нас очень недружелюбно смотрели местные жители, и вокруг все время ездил мальчик на велосипеде с эссовской кокардой на фуражке — череп и кости. Чувствовали себя очень неудобно. Тут, слава богу, подъехали два КамАЗа, и Кузя пошел говорить с водителями. Вернулся он с радостной вестью: „Считай, мы уже в Риге“. — „О, наконец-то уедем из этого рассадника фашизма“, — обрадовался я. „Не волнуйся, они из Карпат, может, бандеровцы“ — успокоил меня Кузя». Приветливо встречали и подвозили «хорошие махровые латыши». По дороге из Тихвина в Питер водители КамАЗов не только подвозили бесплатно, но еще и давали денег на еду. Приключения, нестандартные ситуации и колоритные люди, как правило, доброжелательные, открытые, — органическая часть «путешественнической» коллекции. Добрые женщины-хранительницы пускали молодых художников в церкви и после их закрытия. В привокзальном буфете можно было встретить художника-гения. У костра — принять участие в забавных игрищах в окружении местных деревенских жителей. А еще — познакомиться с народным фольклором, с рассказами про русалку, про мертвую жену и рысь, про Ванятку-оборотня, про учительку и третий пар: «Не надо, учитлека, в третьем пару мыться, беда будет». Тетради включают и «Похмельную папку, ибо у «Митьков» существовала и своя культура питья. Куролесили немало: во время первой выставки «Митьков» в квартире на Екатерининском канале (1985); в Париже, где проходила первая зарубежная выставка «Митьков» (1992). Вертеп и вакханалия. Но и в бестолковой поездке в Париж художник Филиппов увидел многое: Лувр, где много помещений, но мало хороших картин, Люксембургский сад, Елисейские Поля, Пантеон. Собственно говоря, тексты — это записи, сопровождающие многочисленные рисунки и архивные фотографии, составляющие книгу. Игровой характер митьковского движения с самого начала успешно сочетался с сохранением высоких живописных традиций. И во время поездок А. Филиппов и сопровождающие его лица много работали — утром, вечером, днем, стараясь ухватить особое освещение, особое настроение. Так, в 1999 году на Валааме Филиппов рисовал языки совершенных по форме габбро-диабазовых валунов, уходящих в Ладожское море, скиты, церкви, марево из воды и неба. В 2012–2013 годах — монастыри и церкви, море и горы, живописные закоулки итальянских и черногорских городков на Адриатике. И российский деревянный парусник «Святитель Петр», на котором удалось совершить круиз по Адриатике и посетить город Бари, где хранятся мощи святого Николая. Книгу можно назвать важным историческим и искусствоведческим документом.

**Владислав Федотов. Догорала свеча. Последние семь лет из жизни
А. П. Чехова. СПб.: Политех-Пресс, 2020. — 269 с.**

Воспоминания современников, переписка Антона Павловича Чехова с О. Книппер-Чеховой и с многочисленными адресатами складываются в пронзительное повествование о последних семи годах жизни писателя. Подлинность реплик и впечатлений, достоверность событий и фактов передают атмосферу времени, мысли и чувствования живущих в нем людей. Рассказ начинается со встречи нового 1897 года в Мелихове, устойчивый быт, спокойное существование. 21 марта 1897 года Чехов приехал из Мелихова в Москву для встречи с А. Сувориным. Чувствовал себя плохо, но хотел присутствовать на съезде театральных — как тогда говорили, сценических — деятелей, а также получить из журнала «Русская мысль» гранки рассказа «Мужики». 22 марта, после совещания на съезде, Чехов с Сувориным приехали в ресторан «Эрмитаж» и заказали обед. Обед пришлось прервать из-за открывшегося у Чехова легочного кровотечения. Такое сильное кровотечение было у него впервые. Кровотечение остановили, двое суток Чехов отлеживался в номере у Суворина. 25 марта обильное кровотечение открылось снова, и Чехов согласился лечь в клинику профессора Остроумова. С этого начался новый период жизни писателя. Владислав Федотов пошагово прослеживает все, что происходило с писателем: причины обострения старой болезни, ее развитие, образ жизни писателя, его встречи, беседы, отношения с людьми, творческие работы. Теперь жизнь писателя была связана с ограничениями. Пришлось оставить Мелихово и переехать в Ялту, в те времена считавшуюся одним из лучших мест для лечения чахоточных больных. Он выезжал в Москву и Петербург, зимой, спасаясь от промозглой ялтинской погоды, — в Ниццу. Обустроил дом в Ялте, купил дачу в Кучуккое, потом домик в Гурзуфе из трех комнат и отправлял туда гостей, чтобы не мешали работать. В Ялте Чехов чувствовал себя одиноком, оторванным от кипучей литературной и театральной жизни. «Лика, мне в Ялте очень скучно. Жизнь моя не идет, а влачится», и, как героини его пьесы, стремился в Москву. Но в то же время рядом с ним были мать и сестра, приезжала жена, неподалеку от него жил такой же пустынный Горький, а чуть дальше Л. Толстой. Частенько на даче Чехова останавливался Бунин, навещают Чехова известные литераторы и актеры, приходит множество писем от знакомых и незнакомых людей. В. Федотов подробно пишет о том, как складывались отношения Чехова с издателем А. Сувориным, М. Горьким, Л. Толстым, И. Левитаном. Чехов не был пуританином, и все радости жизни ему были доступны, в том числе и близость с женщинами. Очень деликатно автор пишет о месте в жизни писателя художницы А. Хотяинцевой, Л. Мизиновой, Л. Авилловой. Он отрицает, что между Чеховым и с Комиссаржевской был роман, — тема, волнующая ряд исследователей. И подробно, в деталях рассказывает о том, как складывался роман писателя с Ольгой Книппер, как протекала их супружеская жизнь. В их совместной жизни писем было больше, чем проведенного вместе времени. Анализируя переписку, В. Федотов приходит к выводу, что вопреки умозаключениям ряда исследователей супружеские отношения Чехова и О. Книппер скрепляла настоящая любовь. И не Книппер выбрала Чехова, считает автор, а он ее. Первая их встреча состоялась в 1898 году. В Москве на репетиции Чехов увидел молодую актрису в роли Ирины на репетиции пьесы А. Толстого «Царь Федор Иоаннович», и она ему очень понравилась. Их роман развивался неторопливо, поженились они в мае 1901 года. Чехов знал, что женится на актрисе, и еще до свадьбы принял решение, что Ольга не бросит актерскую деятельность, а он по настоянию врачей останется жить в Ялте, изредка приезжая в Москву. Она посылала ему ежедневные отчеты о круговороте московской театральной жизни, в котором пребывала, и сетовала, что они не вместе. И он утешал ее: «Ес-

ли мы теперь не вместе, то виноваты в этом не я и не ты, а бес, вложивший в меня бацилл, а в тебя любовь к искусству». Они оба были люди театра: она — актриса, он — драматург, пьесы которого ставились в Московском Художественном театре. Одним из важных звеньев, соединяющих их, было чувство юмора. Они оба хотели ребенка, но выкидыш у Ольги и последовавшая ее тяжелая болезнь не дали свершиться их мечте. Ухудшение здоровья часто не давало Чехову возможности работать, но именно в этот период были созданы «Три сестры» и «Вишневый сад». Театр, премьеры, постановки — еще одна проходная тема книги. В предчувствии конца Чехов готовил собрание своих сочинений, не очень удачно решал финансовые вопросы, летом 1901 года оставил сестре письмо-завещание, в котором передавал сестре Марии в пожизненное пользование дачу в Ялте, деньги и доход с драматических произведений, а жене — дачу в Гурзуфе и пять тысяч рублей. Были сделаны и другие распоряжения в пользу родных, мелиховских крестьян, знакомых. Родственные связи значили для него больше, чем отношения с Ольгой, делает вывод В. Федотов. Сложным отношениям сестры писателя и его жены посвящено немало страниц. Как врач Чехов знал, что такое туберкулез, в 1889 году от чахотки умер его брат Николай. Диагноз себе Чехов установил давно, но преуменьшал опасность заболевания. Знал, что обречен, и сколько лет ему еще прописано прожить — неизвестно. И хотя старался выполнять указания врачей в части соблюдения режима, полноценного медикаментозного лечения избегал. Характерно для него: в один день своим корреспондентам давал разные сведения о своем здоровье, скрывал правду о своем состоянии от родных и Ольги Книппер, но мог немного приоткрывать ее не столь близким людям. Он был не согласен с теорией Л. Толстого о бессмертии и с толстовским всепрощенчеством, в личных беседах не спорил с Толстым, которого ценил очень высоко, о том, что ждет человека после смерти. Но в дневнике Суворина в июле 1897 года записаны мысли Чехова о смерти: «Если после смерти уничтожается индивидуальность, то жизни нет. Я не могу утешиться тем, что сольюсь с червяками и мухами в мировой жизни, которая имеет цель. Я даже этой цели не знаю». Это и есть ответ Чехова Толстому о бессмертии. Был ли Чехов атеистом? Крестик на груди он носил. Жизнь Чехова В. Федотов прослеживает до последнего его вздоха, до смерти в курортном городке Баденвейлер, и даже еще чуть дальше.

**Саулюс Шпокавичюс, Марина Ивинская. Байрон. Пушкин. Мицкевич.
Смерть и судьба. СПб.: Алетейя, 2019. — 166 с.**

Байрон, Пушкин, Мицкевич — ключевые фигуры для каждой из литератур — английской, русской и польской (литовской): их вклад в формирование национального менталитета колоссален. А так как все трое не реализовались в творческом смысле полностью, для каждого из них годы творчества перед смертью были наполнены исключительными достижениями, в их черновиках, заметках, набросках осталось немало количество замыслов, то в национальных культурах сложился своеобразный комплекс вины: «не уберегли». А могли ли? В книге известного врача Саулюса Шпокавичюса (Вильнюс) и литературоведа Марины Ивинской (Вильнюс) представлен неожиданный подход к исследованию обстоятельств ухода из жизни величайших гениев европейской и мировой литературы — Байрона, Пушкина и Мицкевича. Опираясь на достижения современной медицины, авторитетный клиницист С. Шпокавичюс уточняет причины заболеваний, ставших смертельными для Байрона и Мицкевича, и определяет характер губительного ранения Пушкина. Он обращает внимание на физическое состояние и образ жизни поэтов, анализирует симптомы заболеваний Байрона и Мицкевича и особенности ранения Пушкина, подвергает подробному разбору приемы ди-

агностики, действия врачей, назначения, ход лечения, обстоятельства смерти поэтов. С. Шпокаявичюс привлекает максимально возможную медицинскую информацию, в том числе из редких источников: воспоминаний, дневников, переписки, протоколов вскрытия. По официальным версиям, отраженным в энциклопедиях, Байрон умер от малярии в греческом городе Миссолунги, Пушкин — из-за быстро развившегося перитонита, причиной смерти Мицкевича стала холера. Современный врач эти версии опровергает и приходит к заключению, что смерть величайших поэтов была во многом вызвана неразвитым состоянием медицины той эпохи, которая не могла адекватно оценить характер заболеваний (ранения) своих пациентов и назначала лечение, которое только усугубляло ситуацию и ухудшало состояние пациентов. Избранная методика, характерная для того времени, — пиявки, кровопускание, в случае с Байроном и слабительное — во всех трех случаях вызвала критическую потерю крови и кровяных клеток. Диагноз — гиповолемия: уменьшение функционального объема крови, циркулирующей в теле человека. Автор констатирует, что у Пушкина при тогдашнем уровне медицины шансов выжить все равно не было, а вот у Байрона с его банальной простудой и у Мицкевича (перфорация язвы двенадцатиперстной кишки или желудка) были. С. Шпокаявичюс дает и обширный очерк о медицине эпохи романтизма, тесно связанной с архаичной средневековой медициной. Теории, доктрины, методы лечения. Так, в соответствии с теорией Брауна, основной метод лечения зависел от температуры: назначался либо затормаживающий препарат — опиум, либо стимулирующий — алкоголь. Метод Бруссе — абсолютная диета или только бульон, кровопускание — привел к тому, что в период наполеоновских войн после ампутаций смертность среди французов, немцев, австрийцев, лечившихся по этой методе, была в несколько раз больше, чем у русских, которым после операции выдавали полноценный паек, куда входило и спиртное. Развитие медицины началось лишь во второй половине XIX века, вместе с бурным развитием химии, физики, естественных наук. На страницах этой книги история литературы «встречается» с историей медицины. В богатом историко-культурном комментарии М. Ивинской показан интенсивный творческий «диалог» трех великих поэтов в контексте эпохи: наполеоновские войны, Священный Союз, движение карбонариев, греческое восстание, русско-польские отношения. Поэты-современники, они представляли в своем творчестве одно из самых ярких направлений того времени — романтизм. Существенно, что все трое соотнесены друг с другом: М. Ивинская пишет о восприятии Пушкиным и Мицкевичем Байрона, об отношениях Пушкина и Мицкевича — они были знакомы, их связывала симпатия, уважение друг к другу, несмотря на существенные разногласия по «польскому» вопросу. Романтизм как мощное явление европейской и мировой культуры обладал силой взаимопроникновения и взаимовлияния творческих миров поэтов-романтиков. Поэтому закономерно, что произведения Байрона лежали на столе Пушкина, мотивы произведений Байрона, частые отсылки к ним встречались в текстах русского поэта. М. Ивинская проводит художественные параллели между «Полтавой» Пушкина и «Мазепой» Байрона, байроновский след находит в «Евгении Онегине». Имя Байрона возникает и в связи с «Историей Пугачева». В одной из статей в адрес Пушкина прозвучал упрек, что поэт не описал ужасов пугачевщины «кистью Байрона». Реакция Пушкина, по воспоминанию Н. Путьты: «Каких им еще нужно ужасов. У меня целый том наполнен списками дворян, которых Пугачев перевешал. Кажется, этого достаточно!» Литературовед из Вильнюса находит литовский след в родословной Пушкина, указывает на пересечения с Литвой в биографиях предков и потомков Пушкина. Мицкевич, считает М. Ивинская, ближе всего к Байрону по направленности, страстности, энергии — в стихах, в поступках, во взглядах. Как пример: соотношение драмы-мистерии Мицкевича «Пан Тадеуш» с богоборческими поэмами Байрона «Манфред» и «Прометей». Современники,

яркие представители романтизма, они выразили основные черты романтического героя через свою национальную специфику.

Александр Широкоград. Великая депортация. Трагические итоги Второй мировой войны. М.: Вече, 2019. — 352 с.

В ходе Второй мировой войны произошло самое большое в мире переселение народов: свыше 40 миллионов мирных жителей были насильственно согнаны с мест постоянного обитания и отправлены в другие страны или регионы за сотни, а то и тысячи километров. В советское время было не принято говорить о депортациях и переселениях 1939—1949 годов, в постсоветское обсуждению и осуждению подверглось только то, что происходило на территории СССР. Аналогичные процессы в Восточной и Центральной Европе, США, на просторах Тихого океана замалчивались или оправдывались. Александр Широкоград рассказывает о самых крупных депортациях и переселениях Второй мировой войны и первых послевоенных лет. Депортация немцев из Польши и Чехословакии. Путь поляков к мононациональному государству: еврейские погромы, очищение от украинцев и белорусов, исчезновение с территорий, где они обитали с XIII—XV веков, мазуров, кашубов, силезцев, лемков. Заключение в концлагеря японского населения США, обосновавшегося там со второй половины XIX века. Депортация японского населения в 1945—1949 годах из Китая и с островов Тихого океана. Пишет А. Широкоград и о массовых переселениях внутри СССР немцев, крымских татар, греков, прибалтов, о депортациях немцев и японцев из СССР. Сталин не был ни садистом, ни сумасшедшим кровожадным тираном, утверждает автор, и называет причины, по которым принималось решение о переселении народов. Еще летом 1941 года Сталин не видел разницы между дивизиями, сформированными из мобилизованных жителей Орловской или Калининской областей, и дивизиями из уроженцев Прибалтики или Западной Украины. Отношение менялось при получении сведений с фронтов о поведении местного населения при отступлениях РККА, о его сотрудничестве с вермахтом в оккупационной зоне. Так, автор считает, что выселение крымских татар было вызвано тем, что Сталин хотел избежать гражданской войны в Крыму между татарами-карателями и татарами-фронтовиками, чьи семьи от рук этих карателей пострадали. А вот высылка греков в 1944—1945 годах с Украины, Крыма и Кавказа произошла из-за опасений, что их использует в будущей войне с СССР третья сила, Англия и США. А. Широкоград пишет, за что воевали националисты и что ждало их народы в действительности. Прибалты, украинцы, крымские татары и прочие верили, что Гитлер даст им «свободу и независимость», хотя в СССР в ряде случаях «инородцы» имели больше привилегий, чем русские. Эстония и Латвия рассчитывали на присоединение территорий по линии Ленинград — Новгород — озеро Ильмень — река Ловать. Из ставших доступными документов Третьего рейха очевидно, что Гитлер и его соратники не собирались создавать на территории СССР не только независимых государств, но даже и автономий. Ряд народов полагалось полностью выселить, дабы освободить место германским поселенцам. Оставшиеся народы должны были работать на высшую германскую расу. Крым виделся как немецкий курорт, в Прибалтике предполагалось расселить заслуженных ветеранов вермахта, а большую часть населения, негодного для онемечивания, выселить в Западную Сибирь. Нынче немало сказано о зверствах красноармейцев в 1944—1945 годах и ни слова о зверствах поляков и чехов по отношению к немцам, которых, согласно решению Потсдамской конференции, следовало «упорядоченно переселить» в Германию из Польши и Чехии, где они проживали веками. В Польше немцев — калек, стариков, женщин, детей — согнали

в бывшие концлагеря, где их ждали нечеловеческие условия, высокая смертность от голода и болезней, отсутствия медицинской помощи, издевательства. Свидетельства очевидцев. «Поляки вели себя как вандалы... мародерствовали, обыскивали, насиловали». «Особое удовольствие населению Чехословакии (изгнание немцев из Судет) доставляло гнать пленных немецких солдат, гражданских лиц, женщин и детей босиком по асфальтированным улицам, густо усыпанным осколками битого стекла». «Я признаю, — пишет А. Широкоград, — что в РККА периодически происходило убийство пленных. В Германии в 1944—1945 годах имело место достаточно большое количество изнасилований. Причем большинство остались безнаказанными. Но имелись случаи десятков, а то и сотен расстрелов за оное деяние. Иной раз даже сгоняли окрестных жителей посмотреть на экзекуцию. Но полностью включено, чтобы советский солдат или офицер начал коллекционировать черепа, кисти рук и других частей убитых немцев (как это делали американцы). У русских другой менталитет». Из-за политкорректности в СССР не освещалась тема финских концлагерей для русских: по финским данным, в концлагерях Финляндии оказалось 88 тысяч человек, из них за три года погибло 28 тысяч. На этом фоне условия переселения в СССР выглядят вполне гуманно. Приводятся инструкции начальникам эшелонов по сопровождению заключенных и пересылаемых в каждом отдельном случае (Крым. Прибалтика, Кавказ...). Переселяемым и депортированным разрешалось брать с собой личное имущество (вес — 100 кг на семью), ценности, деньги. Составы для людских перевозок: эшелоны должны были быть оборудованы нарами, печами и снабжены углем на 5—6 суток, в вагоне — не более 30 человек. На месте погрузки выдавался сухой паек, горячее кормление раз в сутки на станциях, на каждый эшелон 2—3 врача и 3—4 медсестры. Seriously заболевшего, согласно инструкции, снимали с поезда и передавали в местную больницу. Все сведения о происшествиях по пути следования — побег, заболевания, перебои с питанием — начальнику эшелона требовалось доносить в НКВД. «Что же касается душераздирающих историй о том, как солдаты НКВД хватали мертвецов, выбрасывали их в окна вагонов, то их абсурдность более чем очевидна. Депортируемые крымские татары — контингент строго подотчетный. Если по прибытии эшелона на место в нем окажется меньше пассажиров, чем было отправлено, начальник эшелона обязан доложить, куда именно делись недостающие люди. Умерли? А может, сбежали? Или, того хуже, отпущены конвоирами за взятку? Поэтому каждый случай смерти спецпереселенцев обстоятельно документировался». Надо иметь в виду, что инструкции были не популистскими, а секретными и выполнялись в сталинские времена непреложно. Чтобы прояснить причины переселений и депортаций, автор делает краткие исторические экскурсы, в каких-то случаях углубляясь в историю на десятки, а то и сотни лет. Подробно освещены узловые вопросы: отношения и взаимные претензии украинцев и поляков, рождение и деятельность ОУН; военные устремления США и Японии в Тихом океане; история прибалтийских земель, Крыма, Курил и Южного Сахалина. Автор не ограничивается пересказом служебных документов и свидетельств очевидцев, а дает и анализ степени их достоверности. Много статистики, в том числе опровергающей данные «Белой книги» о массовой смертности при переселениях в СССР. Опровергается и преувеличенная численность депортированных и переселенных. Автор впервые строго классифицировал понятия «депортация», «переселение» и «репатриация», которыми манипулируют уже более полувека. А. Широкограда часто критикуют за чрезмерную публицистичность, за неточности в приводимых сведениях. Но отсутствие работ общего характера о всех депортациях и переселениях Второй мировой войны, современная острота этого вопроса в психологических и информационных войнах делают эту книгу актуальной.

Владимир Никитин. Перекрестки России. СПб.: Лимбус Пресс, 2019. — 304 с.: ил.

Владимир Никитин (1944–2015) — профессиональный фотожурналист, профессор и один из лучших исследователей фотографии в нашей стране. Для него ответ на острый вопрос рубежа XIX–XX веков: искусство или нет фотография — однозначен. Искусство. При соблюдении двух требований: она должна быть уникальна и нести на себе отпечаток индивидуального мастерства автора. «Хорошая фотография — это документальное изображение фрагмента реальности, эстетически адекватное изображение ситуации и не более того. Ведь в фотографии, как, впрочем, и в любых других искусствах, форма есть лишь способ передачи содержания. И если что-то делается только ради формы, произведение не может быть полноценным». В книге более двадцати статей, касающихся разных сторон и проблем фотографии. Охват — от примитивной фотографии начала XX века до современной цифровой фотографии. Забытые идеи, события, детали. В философском эссе об эволюции фотопортрета и о роли фотопортрета в жизни человека Никитин опирается на точное знание реалий прошлого. Вплоть до курьезов или того, что курьезами кажется нам. Так, во времена, когда фотография пыталась подражать живописи, клиентов просили принимать позы, характерные для живописных портретов, фотографировали в привычно обставленных интерьерах, наиболее щепетильные клиенты привозили с собой даже собственную мебель, желая тем самым показать свою индивидуальность. В. Никитин рассказывает о борьбе двух течений — реальных и постановочных фотографий — и показывает, опять-таки опираясь на факты, как постановочные фотографии превращались в наивно-примитивный китч. Он рассматривает корпоративную фотографию 20–30-х годов как социальный феномен: в стране, где насаждались диктатура пролетариата и идеология коллективизма, иметь своеобразный документ о причастности к трудящимся массам было крайне полезно. Семейный альбом, где на фотографиях запечатлена обыденная жизнь, протекающая при всех общественных катаклизмах, расценивается как важный источник изучения частной и всеобщей истории. Рассказывает автор и о первых массовых советских фотоаппаратах, выпускаемых ленинградскими предприятиями. И все-таки больше всего В. Никитина интересуют люди, несправедливо забытые выдающиеся первопроходцы-фотографы и мастера. Им посвящены отдельные очерки. А. Деньер (1820–1892), художник по образованию, свое первое ателье «Дагеротипное заведение художника Деньера» открыл еще в начале 50-х годов XIX века в Пассаже. Вошел в историю русской светописы как автор многочисленных портретов деятелей русской культуры: художников, писателей, композиторов. Одним из первых стал репродуцировать и тиражировать фотоспособом живописные работы своих коллег. Донской казак И. Болдырев первым изобрел гибкую «смоловидную пленку» для негативов. Запатентовать свое изобретение, фотопленку, он не смог из-за отсутствия денег. Фотограф и предприниматель А. Фелиш (1837–1908) в 1879 году открыл первую в России фабрику по производству бромжелатиновых пластинок. Его брошюра «Бромжелатиновый способ, его значение и применение к фотографии» стала первым учебником для русских художников, изучавших по ней фотографирование на сухих пластинках. Значительную лепту в развитие цветной фотографии внес С. Прокудин-Горский (1863–1944), фотограф и редактор самого популярного фотографического журнала дореволюционной России «Фотограф-любитель».

Династия питерских фотографов Булла. Сам основатель известного фотоателье Карл Булла в 1917 году уехал в Эстонию, судьба его сына Виктора сложилась трагично. Виктор Булла (1885–1938) с ранних лет заявил о себе как о блестящем фоторепортере. Это В. Булле принадлежит знаменитая фотография «Расстрел мирной демонстрации

на углу Невского и Садовой». Он работал на новую власть, специализировался на событийной съемке, постоянно снимал «на выезде» по заказу всевозможных учреждений и предприятий. После смерти Кирова арестован по доносу и в 1938 году расстрелян. Но успел передать в Государственной архив Октябрьской революции более 132 683 негативов снимков дореволюционного и советского периодов. С особым пиететом В. Никитин пишет о фронтовых репортерах, многих из которых знал лично. Среди них и летописец блокадного Ленинграда Василий Федосеев (1913—1973). Он не снимал эффектных сцен, не организовывал событий, фотографировал то, на что его коллеги практически не обращали внимания, уверенные, что все равно не напечатают, запечатлевал мгновения, ставшие хрестоматийными снимками, рассказывающими о блокаде. Кумиром Никитина являлся Анри Картье-Брессон, гениальный мастер фоторепортажа, знакомством с которым Никитин очень дорожил. Оба мастера отдавали предпочтение черно-белой фотографии, тонко и точно передающей состояние автора и его видение окружающего мира. Сотрудник «Ленинградской правды», АПН, ТАСС Никитин ярко и образно рассказывает о буднях этих учреждений, о коллективах, в которых работал, о людях, которые его окружали. Особняком стоят главы «Перекрестки России» и «Петрово»: фотографии автора с его же комментариями. Это отдельный фотоальбом в книге с многочисленными фотографиями, альбом, где запечатлены житейские ситуации, которые Никитин увидел во время странствий по России: Север, Дальний Восток, глубинка нашей Европейской части и деревня Петрово Новгородской области на сорок домов, куда в течение тридцати лет Никитин с семьей приезжал на лето. Трогательный, узнаваемый, неприкрашенный облик глубинки, подсмотренный и зафиксированный на пленке момент времени. Смог ли принять В. Никитин очередную фотографическую революцию — цифровую фотографию компьютерной эпохи? «Чего же нам ждать от этого изобретения и куда оно нас заведет — покажет время... При всех плюсах „цифры“, на мой взгляд, есть один серьезный минус... Раньше хорошая фотография была авторской, то есть хороший фотограф был не просто снимающий, но и думающий. А сегодня она стала редакторской. Человек, приходящий в редакцию, скидывает на компьютер кучу картинок, и уже редактор начинает отбор, коррекцию готовых изображений. В свою очередь обилие и простота получения качественных изображений приводят к их обесцениванию как финансовому, так и смысловому». Своему учителю, для которого фотография была не профессией, а любимым занятием, образом жизни, объемную статью посвятила И. Яковлева.

Иоганн Вольфганг Гёте. Учение о цвете. Пер. с нем. В. Лихтенштадта. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. — 256 с. — (Азбука-классика. Non-Fiction).

Иоганн Вольфганг Гёте (1749—1832), великий немецкий поэт, по его собственному признанию, считал своей главной заслугой свое «Учение о цвете». Работал над ним он с 1790-го по 1810 год, проблемам цвета в целом посвятил более сорока лет жизни. Гёте, человек универсальных познаний, — автор многочисленных работ по остеологии, ботанике и биологии, публиковавшихся в авторитетных научных журналах, статей и докладов по оптике, общей физике, химии, геологии и метеорологии. Особый интерес он всегда испытывал к цветовым явлениям. Поэт был не согласен с теорией света и цвета Ньютона и в противовес создал свою собственную. Полемизируя с Ньютоном, Гёте рассматривает цвет не с точки зрения физики (оптического спектра, изучаемого Ньютоном). Его интересуют особенности восприятия человеком цвета, воздействие цветов на психику. Наблюдения Гёте лежат скорее в области физиологии и психологии людей. С его точки зрения, существуют особые цвета, которые могут вызвать особые состояния или откорректировать имеющиеся. Гёте считал, что цвет «независимо от строения и формы материала оказывает известное воздействие... на душевное настроение».

И далее: «отдельные цвета вызывают особые душевные состояния». Гёте разделяет цвета на «положительные»: красный, оранжевый, желтый, красно-желтый — и «отрицательные»: синий, красно-синий и сине-красный. Цвета первой группы создают бодрое, живое, деятельное настроение, а второй — беспокойное, мягкое и тоскливое. Каждому цвету он дает характеристику. Так, согласно учению Гёте, желтый наполняет оптимизмом, радует, производит теплое и легкое впечатление, такое же, но более сильное оказывает оранжевый. Оранжевый «энергичнее» чисто желтого, и, может быть, поэтому этот цвет, по Гёте, больше предпочитается французами, чем англичанами и немцами. Красный — цвет серьезности, достоинства, внутренней уверенности в себе. Синий, по Гёте, «как цвет это — энергия: однако он стоит на отрицательной стороне и в своей величайшей чистоте представляет собой как бы волнующее ничто». Гёте пишет о странном, невыразимом воздействии синего. Комнаты с преобладанием синего цвета кажутся просторными, но пустыми и холодными. Если смотреть на мир через синее стекло, то он предстает в печальном виде. Красно-синий (сиреневый) вызывает ощущение беспокойства, цвет живой, но безрадостный, а от сине-красного впечатление беспокойства значительно возрастает. Зеленый Гёте относил к «нейтральным», который сглаживает эффекты двух своих составляющих — желтого и синего. Они действуют одновременно, поэтому возникает чувство успокоения. Глаз, по выражению Гёте, находит в нем действительное удовлетворение, душа «отдыхает». Гёте дает развернутые психологические характеристики цветов. Он выделяет гармоничные цветовые сочетания: желтый — красно-синий; синий — красно-желтый; пурпур — зеленый. Рассматривает «характерные» и «нехарактерные» цветовые сочетания, также вызывающие определенные душевные впечатления, но в отличие от гармоничных не приводящие к состоянию психологического равновесия. Гёте проводит параллель между цветовой гармонией и гармонией психики. Для него важно определить цветовые сочетания, способные создать условия для возникновения целостности души человека. Эту задачу решает и психотерапия. Некоторые положения Гёте во многом предвосхищают результаты современных экспериментальных исследований связей между цветовым восприятием и деятельностью вегетативной нервной системы человека. Не следует воспринимать все заключения Гёте буквально, однако созерцание цветов действительно пробуждает способность испытывать тонкие эмоции. Гёте постоянно экспериментировал, предлагал различные формы работы с цветом: просто на него смотреть, окружать себя предметами определенного цвета, использовать различные типы цветных стекол, рассматривать цветовые эффекты в свете свечи. У его современников в Европе даже возникла небольшая мода на цветные стекла. Затрагивает Гёте и межкультурные различия в цветовой символике и психологическом воздействии цвета. Цвет одежды Гёте связывает как с характером нации, в целом, так и отдельного человека. Живые, бойкие нации, считает Гёте, больше любят усиленные цвета активной стороны. Любовь к яркому и пестрому он считает характерным для дикарей, «некультурных» народов и детей. У образованных людей, напротив, существует некоторое «отвращение» к цветам, особенно ярким. Можно сказать, что Гёте стоял у истоков цветотерапии, к его разработкам исследователи обращаются и сегодня. Кроме «Учения о цвете» (в сокращении), в разделе «Теория познания» приводятся статьи, наброски и афоризмы И.-В. Гёте.

Публикация подготовлена
Еленой ЗИНОВЬЕВОЙ

Редакция благодарит за предоставленные книги
Книжную Лавку Писателей
(Санкт-Петербург. Невский пр., 66, т. (812) 640-44-06,
www.lavkapisateley.spb.ru)